

УДК 94(47).084.8

doi:10.21685/2072-3024-2022-2-7

«Нас эта “королева”, попросту говоря, пустит по миру...» К вопросу о кукурузной кампании периода оттепели 1953–1964 гг.

Д. Н. Конышев

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного
юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Россия

Denis-Konyshhev@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В современной России до конца не решена проблема продовольственной безопасности, доступности для всех категорий граждан качественных продуктов питания, а также возможности развития аграрного сектора экономики для обеспечения экспорта на мировой рынок большинства сельскохозяйственных культур. Продовольствие является возобновляемым ресурсом в отличие от некоторых других экспортируемых Российской Федерацией товаров. С другой стороны, развитие аграрного производства с созданием рабочих мест позволяет решать проблему трудовых ресурсов села, сохранения сельской местности как таковой, делать структуру общества в соотношении село-город более сбалансированной. Цель исследования заключается в анализе мер советского государства в период оттепели 1953–1964 гг. по решению кормовой проблемы животноводства за счет увеличения посевов кукурузы. Автор стремился к объективному анализу причин и следствий одной из наиболее ярких программ хрущевских преобразований, имевшей в том числе и последствия формирования образа политического лидера в советском обществе. *Материалы и методы.* Обоснованность и объективность результатов исследования обеспечивается сопоставлением данных и выводов ряда отечественных историков, а также анализом опубликованных и вводимых в научный оборот архивных источников, содержащихся в Российском государственном архиве экономики, Государственном архиве Российской Федерации, Государственном архиве социально-политической истории Кировской области, Российском государственном архиве новейшей истории. Наиболее пристальное внимание уделено статистическим данным, отчетам и директивам советских и партийных органов, на основе которых принимались экономические решения, письмам крестьян во власть, восприятию проводимых мероприятий в регионах. Дается и краткая характеристика роли политического лидера СССР в проводимых мероприятиях. Методология исследования основана на применении сравнительного метода, позволяющего сопоставить происшедшие изменения. Источниковой базой работы являются опубликованные и неопубликованные материалы – статистические данные, содержащиеся в изданных сборниках, в том числе по итогам проведения сельскохозяйственной переписи. Автор стремился исходить из системного подхода, позволяющего характеризовать конкретные меры аграрной политики, исходя из общей ситуации в стране. *Результаты.* Изучены меры проводившейся кукурузной кампании как способа решения продовольственной проблемы преимущественно на материалах Волго-Вятского экономического региона, включавшего в свой состав 5 субъектов РСФСР: 2 области и 3 автономные республики, схожих по природно-климатическим характеристикам. Проанализирована конкретная историческая информация, раскрывающая причины, цели и результаты проводившихся мероприятий в целом по стране и по отдельным регионам. *Выводы.* На основе критического осмысления разноплановых источников и данных историографии сделан вывод о неэффективности проводившейся кампании с точки зрения ее вклада

в решение продовольственной проблемы. Одновременно ставится под сомнение проведение данной кампании исключительно благодаря субъективному фактору – воле Н. С. Хрущева.

Ключевые слова: оттепель, аграрные реформы, сельское хозяйство, продовольственная проблема, кукурузная кампания

Для цитирования: Конышев Д. Н. «Нас эта “королева”, попросту говоря, пустит по миру...» К вопросу о кукурузной кампании периода оттепели 1953–1964 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 86–102. doi:10.21685/2072-3024-2022-2-7

“This ‘queen’, bluntly speaking, will bring us to beggary...” On the issue of the corn campaign of the thaw period of 1953–1964

D.N. Konyshev

Volga-Vyatka Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Kirov, Russia

Denis-Konyshev@mail.ru

Abstract. *Background.* In modern Russia, the problem of food security, the availability of high-quality food products for all categories of citizens, as well as the possibility of developing the agricultural sector of the economy to ensure the export of most agricultural crops to the world market has not been completely solved. Food is a renewable resource, unlike some other goods exported by the Russian Federation. On the other hand, the development of agricultural production with the creation of jobs allows solving the problem of rural labor resources, preserving rural areas as such, and making the structure of society in the village-city ratio more balanced. The purpose of the study is to analyze the measures of the secular state during the thaw of 1953–1964 to solve the fodder problem of animal husbandry by increasing corn crops. The author sought an objective analysis of the causes and consequences of one of the most striking programs of the Khrushchev transformations, which had, among other things, the consequences of forming the image of a political leader in Soviet society. *Materials and methods.* The validity and objectivity of the research results is ensured by comparing the data and conclusions of a number of Russian historians, as well as by analyzing the archival sources published and put into scientific circulation, contained in the Russian State Archive of Economics, the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of Socio-Political History of the Kirov Region, the Russian State Archive of Modern History. The most attention is paid to statistical data, reports and directives of Soviet and party bodies, on the basis of which economic decisions were made, letters from peasants to the authorities, the perception of events in the regions. A brief description of the role of the political leader of the USSR in the events is also given. The methodology of the article is based on the use of a comparative method that allows you to compare the changes that have occurred. The source base of the article is published and unpublished materials: statistical data contained in published collections, including the results of the agricultural census. The author sought to proceed from a systematic approach that allows to characterize specific measures of agrarian policy based on the general situation in the country. *Results.* The measures of the ongoing corn campaign as a way to solve the food problem were studied mainly on the materials of the Volga-Vyatka economic region, which included 5 subjects of the RSFSR: 2 regions and 3 autonomous republics, similar in natural and climatic characteristics. Specific historical information is analyzed, revealing the reasons, goals and results of the activities carried out in the whole country and in individual regions. *Conclusions.* Based on a critical understanding of diverse sources and historiography data, the conclusion is made about the ineffectiveness of the campaign in terms of

its contribution to solving the food problem. At the same time, the conduct of this campaign is being questioned solely due to a subjective factor – the will of N.S. Khrushchev.

Keywords: thaw, agrarian reforms, agriculture, food problem, corn campaign

For citation: Konyshev D.N. “This ‘queen’, bluntly speaking, will bring us to beggary...” On the issue of the corn campaign of the thaw period of 1953–1964. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2022;(2):86–102. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-2-7

Мы подтянем ту же пузо,
И посадим кукурузу,
И надоим молока
От козла и от быка
(Частушка периода оттепели).

Годы так называемой хрущевской оттепели охарактеризовались проведением различных преобразований, и едва ли не самое пристальное внимание Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева было приковано к сельскому хозяйству. Во многом не случайно в народной памяти данный лидер связывается с такими его наиболее яркими проектами в сфере сельского хозяйства, как целина, мясо-молочная кампания (в ходе которой предполагалось догнать и перегнать США по производству данных видов продукции), кукуруза. По нашему мнению, окончательно личная власть Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева сформировалась в июне 1957 г., последним аккордом стал Пленум и разгром так называемой «антипартийной» группы. Как будет показано далее, кульминации кукурузная кампания достигнет к началу 1960-х гг., но уже в 1957 г., по данным прокуратуры СССР, в народе Хрущев начинает восприниматься как «кукурузник», который «все головы заморочил со своей кукурузой» [1, с. 206, 265].

Тема кукурузной кампании получила развитие в историографии в свете изучения аграрных реформ периода оттепели, а связанный с данной культурой образ советского лидера так или иначе обращает интерес историков как к аграрным реформам, так и к проводившемуся эксперименту. В советский период аграрные реформы периода оттепели, которые ассоциировались во многом с именем смещенного в 1964 г. Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, практически не изучались, характеризовались как некий «волюнтаризм» и «субъективизм» в рамках данных официальных оценок.

В 1990-е гг. складываются предпосылки для изучения аграрных реформ Н. С. Хрущева, вводится в научный оборот массив ранее закрытых для историков источников, прежде всего архивных, но до начала 2000-х гг., по замечанию И. Е. Зеленина, историография была «весьма небогата» вследствие потери интереса к данной теме историков, «уставших от перемены оценок и точек зрения» [2, с. 77].

Последние два десятилетия в историографии характеризуются достаточно пристальным вниманием историков к истории советской послевоенной деревни, крестьянства, аграрной политике и аграрным реформам.

Одну из первых попыток беспристрастного осмысления проводившихся кампаний сделал И. В. Русинов, который назвал целинную, кукурузную и мясо-молочную кампанию сверхпрограммами, а его статья стала одной из

первых в советской историографии по изучению периода оттепели и связанных с ним изменениями в сельском хозяйстве [3, с. 40]. Как одну из сверхпрограмм Хрущева рассматривает кукурузу и Н. Л. Рогалина, связывая ее с поисками Первым секретарем ЦК универсальной культуры для создания кормовой базы и увеличения производства зерна [4, с. 154]. Как сверхпрограмму характеризует кукурузу также И. Е. Зеленин, рассматривая ее в тесной взаимосвязи с проблемами животноводства. На основе анализа эволюции взглядов Хрущева на кукурузу в свете показателей по урожайности, объему посевных площадей он делает вывод о скромной роли культуры в решении зерновой проблемы, но одновременно и значительном вкладе в сборе зеленой массы, не соглашаясь с тезисом о полном провале данной кампании [5, с. 104–109].

А. Грациози считает кукурузную кампанию показателем значимости человеческого фактора в руководстве советским сельским хозяйством [6, с. 148].

Д. А. Ванюков данную кампанию рассматривает как один из заметных и обидных срывов, вызванных нетерпением и очковтирательством [7, с. 144]. Е. Ю. Спицын характеризует данную новацию Хрущева не иначе как «бредовую», повлекшую сокращение площадей, занятых чистыми парами, а также размещение данной культуры на пахотных площадях, занятых прежде зерновыми. По его данным, урожайность кукурузы во многих регионах была заведомо не способна решить возложенных задач [8, с. 326–329].

Очерк кукурузной кампании в связи с анализом деятельности машинно-тракторных станций региона Центрального Черноземья содержится в монографии В. Н. Томила, который отмечает, что «в агротехнике возделывания кукурузы наиболее рельефно проявились недостатки материально-производственной системы колхозы – МТС» [9, с. 310]. Приводимые в работе данного ученого трудности, а именно нехватка техники, неправильная агротехника, высокая доля ручного труда, были типичными в целом по РСФСР. В другой работе В. Н. Томилин характеризует меры по выращиванию кукурузы и связанные с ней приписки в рамках анализа положений колхозов Центрального Черноземья, подчеркивая взаимосвязь данной кампании с изменением структуры севооборотов [10, с. 125, 336].

В последние десятилетия изучение данного эксперимента так или иначе связано и с региональными исследованиями. П. П. Полх рассмотрел кампанию на уровне относительно нового советского региона Калининградской области, выделив положительную роль культуры в решении кормовой проблемы животноводства [11, с. 598–602]. Публикация Д. Н. Коньшева посвящена анализу эксперимента в регионе российского Нечерноземья – Кировской области [12, с. 299–303]. С. Н. Андреев дал характеристику проводившихся преобразований на материале Сибири, говоря об увеличении посевов данной культуры на 50 % в Западной Сибири для решения задачи обеспечения кормовой базы [13, с. 439]. Им же отмечается огромная личная заинтересованность Хрущева в увеличении кукурузного поля, принудительный характер посевов и отсутствие у региона необходимых условий для данной культуры и, несмотря на невыполнение плановых показателей, рост в 9 раз сборов зеленой массы по Западной Сибири к 1960 г. [14, с. 207].

Подводя итог краткому обзору историографии, заметим, что кукуруза была далеко не единственной новацией в аграрном секторе периода оттепели, но оказалась одним из самых ярких экспериментов, характеризующих как методы проводившихся при Хрущеве реформ, так и, отчасти, сущность советской экономики. Отсюда вытекает и внимание исследователей к этой в некоторой степени комичной программе, не ставшей чудом, но повлекшей во многом серьезные последствия.

В годы хрущевской оттепели кукуруза была объявлена «королевой полей», ее посевы были практически в каждом районе и каждом колхозе и совхозе. В народной памяти масштабное возделывание данной культуры осталось в основном примером самодурства властей и лично главы партии и государства – Н. С. Хрущева, убежденного в ее необычайных и полезных свойствах. Тем более, что большинство регионов Российской Федерации по климатическим условиям не располагали к широкому возделыванию кукурузы. Данная кампания может служить и примером поисков властями некоего «чуда» по улучшению дел в сельском хозяйстве – наряду с целиной, стремлением догнать и перегнать США по мясу и молоку.

До начала 1950-х гг. количество посевов кукурузы едва ли принималось во внимание в масштабах страны. Так, согласно Центральному статистическому управлению (ЦСУ) СССР, по РСФСР в 1946 г. по колхозам и совхозам производство кукурузы было очень невелико, учитывались посевы только по черноземным районам [15, л. 55]. В 1954 г. Министерство сельского хозяйства РСФСР планировало под кукурузу на силос и зеленый корм (без учета данной культуры на зерно) в объеме 705 тыс. га по всем хозяйствам республики [16, л. 129].

Можно выделить следующие причины старта кампании. Первая – это кризисное состояние сельского хозяйства страны к началу 1950-х гг. и низкий уровень производства продуктов питания. Согласно Ю. В. Аксютину, гражданине СССР к 1950 г. питались не лучше, чем подданные Российской империи [17, с. 441]. Сын Первого секретаря ЦК С. Н. Хрущев так описывал взгляды отца на проблемы продовольствия в СССР в начале 1950-х гг.: «Не хлебом единым сыт человек, к столу еще нужно подать и мясо, и масло, и сметана не помешает...» У советских людей царили на столе хлеб и картошка, тогда как на Западе отдавали предпочтение мясной продукции [18, с. 202]. Чтобы появилось мясо, нужно было повысить продукцию животноводства, а скотину нужно кормить. В Постановлении Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 21 сентября 1953 г. «О мерах по дальнейшему развитию животноводства» неблагоприятное положение в данной отрасли объяснялось отставанием производства и заготовки кормов [19, с. 62]. Поэтому второй причиной можно считать стремление властей преодолеть необеспеченность кормовой базы животноводства.

К 1950-м гг. колхозно-совхозная система, как и плановая экономика, полностью сложились, их преимущества в глазах общества подкреплялись победой в войне, в итоге поиск нового в сельском хозяйстве изначально велся только в рамках заданных парадигм, не выходя за рамки существующих форм хозяйствования. Р. Г. Пихоя считает инициативу Н. С. Хрущева по кукурузе «верой в чудодейственный метод, который бы разом улучшил положение в сельском хозяйстве» [20, с. 172]. Поэтому третьей причиной выделим

стремление руководства страны решить проблемы сельского хозяйства «быстро и дешево», без лишних затрат.

Так или иначе, в развитии сельского хозяйства к началу 1950-х гг. было далеко не все благополучно, уровень развития общественного животноводства оставлял желать лучшего. В письме крестьян в обком партии Кировской области в 1949 г. отмечалось: «...в колхозе деревни Воловщина хлеба на трудодни достались граммы, лошади не ходят, так как кормить нечем, соломы и то нет. Весна, скоро посевная, а лошади одни скелеты...» [21, л. 237]. В 1954 г. по тому же региону власти подводили малоутешительный итог заготовки кормов: при том, что в колхозах области было скошено более 97 % всех естественных сенокосов и около 94 % сеяных трав, заготовки сена составили менее 50 %, силосной массы – около 40 % от плана [22, л. 16–17]. В 1952 г. по итогам заготовки кормов по РСФСР властями республики отмечалась опасность возможности больших потерь скота из-за бескормицы [23, л. 56].

К началу 1950-х гг., через несколько лет после окончания войны и преодоления чрезвычайных условий военного времени, остро стояла задача развития всех отраслей сельского хозяйства, в том числе и животноводства. Соответственно, это влекло за собой необходимость решения задачи по обеспечению кормовой базы. Наиболее сложной обстановка была с поголовьем крупного рогатого скота (КРС). Например, в Кировской области к 1951 г. по общему поголовью КРС довоенный уровень был достигнут, хуже обстояло дело с общим количеством коров: на начало 1951 г. поголовье было только 88,6 % от 1940 г. [24, л. 38–39]

Дальнейшее развитие животноводства предполагало решение задачи обеспечения кормовой базы. Кукуруза не сразу стала «королевой полей» в годы оттепели. К 1954 г. по линии Министерства сельского хозяйства РСФСР в государственный план развития аграрной сферы закладывались задания по расширению посевов зерновых, увеличению производства зернофуража, включая кукурузу, овес, ячмень. Предполагался комплекс мер, включая рост производства сочных кормов, увеличение посевных площадей, повышение урожайности силосных культур, кормовых корнеплодов, кормовых бахчевых культур [16, л. 129].

В записке министра государственного контроля РСФСР от 1954 г. на имя Председателя Совета Министров РСФСР отмечалось, что по балансам Ульяновской, Владимирской и Ростовской областей на зимовку 1954–1955 гг. даже в случае получения со всей площади кормовых культур плановой урожайности общественное животноводство в значительной степени не будет обеспечено кормами. Особенно не хватало сена, удельный вес которого в кормовом балансе составлял не более 42 % [22, л. 107].

Не лучше подчас обстояло дело с животноводством и в союзных республиках. В докладе Председателя Совета Министров Грузии В. М. Бакрадзе на Пленуме ЦК КПСС в июле 1953 г. говорилось: «...положение с животноводством настолько тяжелое, что только за один год количество коров у колхозников сократилось на 63 тыс. голов» [25].

На начало октября 1952 г. по РСФСР было скошено естественных трав 96,8 % и сеяных 77,9 % к плану, при этом в колхозах было заготовлено грубых кормов только 51 % и заложено силоса 68,5 % от плана, что, по мнению Совета Министров РСФСР, «создавало опасность допущения в предстоящую

зимовку больших потерь скота из-за бескормицы» [23, л. 56]. Посевы под кормовыми культурами во многих колхозах зарастали сорняками.

Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев был убежденным сторонником возделывания кукурузы. Заметим, что для данного политического лидера вообще было свойственно стремление решать проблемы «махом», за счет открытия заново известных истин и энтузиазма народа. Дочь Н. С. Хрущева Р. Н. Аджубей связывает интерес отца к кукурузе с визитом советской делегации в США [26], беседой Хрущева с американским фермером Гарстом. Влияние увиденного возделывания кукурузы в США для советской действительности подчеркивается и зятем Хрущева А. Аджубеем [27, с. 287]. Определенное влияние на взгляды советского лидера оказал и его опыт работы в Украинской ССР, его знакомство с выращиванием этой культуры Марком Евстафьевичем Озёрным, добившимся урожайности кукурузы по 108 ц с 1 га [28, с. 108]. То, что природные условия Украины не подходят для всех регионов СССР, особо не задумывались.

Р. А. Медведев проводит некую историческую аналогию: после заявления в 1954 г. Первого секретаря об увеличении посевов кукурузы «в кулуарах повторяли слова Хрущева... что кукурузу надо внедрять, не останавливаясь перед принуждением, подобно тому, как в XVIII столетии в России внедряли картофель» [29, с. 77]. В 1954–1955 гг. Госплан РСФСР официально объявил об «исключительной важности производства кукурузы в деле обеспечения поголовья общественного скота концентрированными и сочными кормами». В 1955 г. в регионы последовала директива Министерства сельского хозяйства СССР, в которой к хозяйствам содержалось требование «районировать кукурузу во всех районах страны, так как она одновременно решает две задачи – пополнение ресурсов зерна и получение из ее стеблей хорошего силоса» [30, л. 27].

Состоявшийся в январе 1955 г. Пленум ЦК КПСС по вопросам развития животноводства уже связывал надежды по укреплению кормовой базы с кукурузой, посевы которой к 1960 г. должны были достигнуть 28 млн га (т.е. больше 1954 г. в 39,7 раз) и приблизиться к площади освоения целины [4, с. 154].

И. В. Русинов говорит о личной инициативе и энтузиазме Первого секретаря ЦК по поводу кукурузы: «Он лично рекомендовал, когда, как ее сеять, сколько и где... она шагнула даже за Полярный круг». Им же приводятся цифры о стремлении Хрущева выйти на урожайность в 500–600 центнеров зеленой массы с гектара, а в районах с недостаточным увлажнением почвы – 300 центнеров» [3, с. 41–42].

Согласно мнению А. В. Пыжикова, кукурузная кампания была реализацией взглядов Хрущева на замену травопольной системы земледелия пропашной, в ходе чего произошли распашка и засев лугов, отведение чистых паров под кукурузу [31, с. 160].

С общей тенденцией расширения посевов кукурузы возрастал и ее удельный вес среди других возделываемых в регионах сельскохозяйственных культур. На примере региона Кировской области в 1959 г. под зерновыми и кормовыми культурами в области было занято 200 658 га, из которых кукурузой – 61 779 га (30,8 %) [32, л. 2–2 об.]. К началу 1961 г. областные руководители стремились сделать кукурузу «главной пропашной и кормовой культурой» [33, л. 13]. Москва требовала – регионы соглашались. Если в 1954 г. по

РСФСР кукурузой было занято 1 млн 393,1 тыс. га, то в 1955 г. Министерство сельского хозяйства РСФСР заставило засеять кукурузой 6 млн 10 тыс. га [34, л. 6, 45–47] (больше показателей 1954 г. в 4,3 раза), а в 1956 г. ею было занято уже 18 млн га (больше предыдущего года в 3 раза). В 1955–1956 гг. по отдельным регионам объемы посевов культуры выросли в 2–3 раза. Сразу же возникла проблема обеспечения хозяйств семенами, зачастую по районам Нечерноземья наличие собственных семян данной культуры в колхозах составляло не более 1 % [35, л. 16–18]. В 1956 г. Министерство совхозов РСФСР отмечало, что «особенно неудовлетворительно проходит засыпка семян кукурузы, план по которой совхозами республики выполнен только на 7,7 %» [36, л. 58]. Проблему семян хозяйствам пришлось решать за свой счет: около 10–20 % государство предоставляло в ссуду, за остальное нужно было рассчитываться деньгами или продукцией животноводства. В итоге на колхозы возлагались дополнительные обязательства.

Хозяйства зачастую оказывались не готовы к резкому увеличению посевов кукурузы. По некоторым регионам Волго-Вятского региона картина выглядела следующим образом. В 1955 г. по Мордовской АССР под кукурузой было занято 63,9 тыс. га, в 1956 г. планировалось 121,4 тыс., при потребности в семенах в 36,4 тыс. ц в колхозах было только 0,2 тыс. (или 0,55 %). В Кировской области при увеличении со 100,4 тыс. до 175 тыс. семян было 0,1 тыс. ц, в Марийской АССР планировали увеличить с 24,6 тыс. до 66 тыс. га посевов, в Чувашской АССР – с 29,9 тыс. до 100 тыс. га, при этом в двух последних республиках семян в хозяйствах не было вообще.

Семена кукурузы выделялись колхозам далеко не бесплатно. Так, из полученных в 1956 г. семян кукурузы хозяйствами Волго-Вятского региона 17 090 т в ссуду выдавалось 2150 т (или 12,6 %), в обмен на продукты животноводства 9120 т (53 %), в порядке продажи – 5820 т (34 %). В целом по РСФСР в этом году из выделенных 229 530 т семян данной культуры 87 220 т были ссудой (40 %), 77 620 т – в обмен (33,8 %), 64 690 т (28,2 %) – продавались хозяйствам [35, л. 14–18].

На фоне роста объемов посевов кукурузы шло сокращение площадей под другими сельскохозяйственными культурами. 18 декабря 1961 г. Постановлением Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР «О мерах по улучшению откорма, нагула и доразивания скота» рекомендовалось максимально сокращать площади посевов под однолетними травами и чистыми парами [37, л. 48].

Центральными властями в 1956 г. был сделан вывод о прямой зависимости развития всего сельского хозяйства страны от посевов кукурузы [38, л. 166–167]. Определенные успехи в улучшении кормовой базы, в том числе и за счет кукурузы, ко второй половине 1950-х гг. были достигнуты. Если в 1955 г. колхозами Российской Федерации было заложено силоса 23,1 млн т, то в 1957 г. – 36,9 млн т (или больше в 1,6 раза). Однако заготовки кормов были недостаточны, властями отмечались низкое качество и большие затраты на единицу продукции [39, л. 48–49]. Иными словами, происходило удорожание продукции общественного животноводства.

На деле во многих хозяйствах горячо поддерживали кукурузу на словах вслед за Хрущевым, но на практике не спешили отводить под нее лучшие

земли и уделять повышенное внимание. Проявлением этого стал определенный саботаж хозяйств: сначала в колхозе стремились завершить посевы традиционных культур, понимая, что выполнение плана по ним никто не отменял, а уже потом переходить к кукурузе. Да и веры в «традиционные» культуры (картофель, другие овощи, зерновые) у крестьян было больше. Соответственно, земля под кукурузу отводилась по принципу «что осталось» или «что не жалко». Часто хозяйства Нечерноземья без зазрения совести докладывали, что к 15 июля «посевы кукурузы завершены» – сроки, в которые в большинстве регионов Российской Федерации по климатическим условиям сеять что-либо уже поздно.

Высшая власть во главе с Хрущевым о таком положении дел в целом знала. С недоверием к кукурузе относились и ближайшие соратники Никиты Сергеевича. На Пленуме ЦК в январе 1961 г. Хрущев, в очередной раз защищая кукурузу, выговаривал Подгорному: «Я уверен, товарищ Подгорный, что цифры урожайности кукурузы, которые вы сейчас называете, – это только половина урожая. А другую половину выращенной кукурузы растаскали, разворовали на корню», Подгорный: «Правильно, Никита Сергеевич». Хрущев: «Так при чем же тут погода? Урожай растаскали, разворовали, а потом вы говорите, что погода не позволила вырастить высокий урожай. Можно так рассуждать?» Подгорный: «Можно» [40, с. 45].

Интересен опыт проверок состояния посевов кукурузы. Например, в Омутнинский район Кировской области снарядили сотрудника КГБ с целью реального учета и состояния посевов данной культуры хозяйствами. На таком примере можно сделать вывод, что кукурузная кампания ставилась чуть ли не в разряд государственной безопасности. По итогам данной проверки в обком партии с грифом «совершенно секретно» был направлен доклад, в котором отмечалось, что «почти во всех колхозах крестьяне настроены против посевов кукурузы, считая невозможным получение хорошего урожая в климатических условиях Кировской области». Интересный подход хозяйств выявил сотрудник КГБ и к отчетности. Так, по району числился объем посевов данной культуры 290 га, при проверке на месте в райкоме партии оказалось уже 171 га, а после тщательной проверки с выездом в колхозы цифры уменьшились до 90 га [41, л. 227–228].

Своеобразный пик посевов кукурузы произошел к 1962 г.: в целом по РСФСР в 1961–1962 гг. ее посевы составили 20–21 млн га, из которых на зерно отводилось 2,5–3 млн га (12,5–14,3 %), остальное же шло на кормовую базу животноводства. И. В. Русинов говорит о 10-кратном увеличении в стране посевов кукурузы к 1962 г., увеличении ее доли до 17,2 % всех посевных площадей страны [3, с. 41], в дальнейшем внимание к ней уменьшается. По данным Министерства сельского хозяйства РСФСР, в «пиковое время» 1961 г. кукуруза была посеяна на площади 14 млн 40 тыс. га (в том числе 8 млн 939 тыс., или 63,6 %, на корм), в 1962 г. – 21 млн 108 тыс. га (в том числе 16 млн 362 тыс., или 77,5 %, на корм). В итоге вопрос выращивания кукурузы из аграрного перерос в политический, и не мудрено, что рекомендации по ее возделыванию и объемам составлялись ответственными руководителями работниками, многие из которых мало понимали в вопросах сельского хозяйства.

Одновременно с увеличением объемов посева кукурузы уменьшался общий объем сенокосов по РСФСР (по всем категориям хозяйств с сельскохозяйственным производством) с 34,9 млн га в 1953 г. до 28,5 млн га в 1961 г., выгонов и пастбищ с 60 млн га в 1953 г. до 54,2 млн га в 1961 г. [42, л. 3, 7].

Кукуруза для большинства регионов РСФСР была нетрадиционной в плане выращивания культурой, крестьяне не имели опыта ее возделывания и не воспринимали всерьез. Тем не менее внедрение кукурузы проводилось практически в каждом общественном хозяйстве, даже в северных районах, где гибель всходов после посева составляла более 90 %. Н. С. Хрущев и после отстранения от власти остался сторонником данной культуры в плане обеспечения кормами животноводства, говоря практически о ее безальтернативности [43, с. 112]. Но в некоторых регионах половина и более посевов кукурузы были неудовлетворительного качества либо вообще не всходили. В разгар кукурузной кампании в 1959 г. Совет Министров РСФСР отмечал тяжелое положение с обеспеченностью кормами по некоторым регионам, вынужден был принимать дополнительные меры поддержки [44, л. 15].

Чтобы стимулировать широкое внедрение кукурузы, применялись различные меры – например, материальное поощрение колхозников за каждую сданную тонну зеленой массы. Кроме основной оплаты в трудоднях, в зависимости от урожая, существовали дополнительные выплаты: при урожае до 300 ц с 1 га выплачивалось по 15 руб. за тонну, от 300 до 400 ц – по 25 руб., а свыше 400 ц – по 30 руб. Всем непосредственно участвовавшим в возделывании кукурузы полагалась выплата 10 % от всего заложенного силоса пропорционально с числом выработанных трудодней. Подобные меры могут оцениваться не только как материальное стимулирование, но и как попытка интенсификации. Присваивались звания «Мастер высокого урожая кукурузы», вручали значки «Лучший кукурузовод РСФСР».

По мере разворачивания эксперимента появлялись новые лозунги, кукуруза была объявлена «ценнейшей кормовой и зерно-фуражной культурой», дающей высокий урожай зеленой массы, «самой выгодной по кормовым достоинствам» [45, л. 90].

К возделыванию культуры стали активно приобщать комсомольцев, работников предприятий, проводили выставки, семинары, обучающие курсы продолжительностью несколько дней. Было много различных совещаний, лекций, смотров достижений.

В формальном внедрении культуры и низких урожаях хозяйств Хрущев винил не климат, а руководителей: «Надо заменять тех работников, которые сами засохли и сушат такую культуру, как кукуруза, не дают ей возможности развернуться во всю мощь» [46, с. 68]. Обвинение в провалах по кукурузе местных руководителей политически снимало ответственность с высшей власти и ее персонального воплощения – Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, в чем-то развивало российскую политическую традицию по формуле «добрый царь – плохие бояре». Состояние посевов кукурузы в некоторых случаях определяло преданность партии отдельного руководителя, а ее урожай – его политическую сознательность. Д. Т. Шепилов вспоминал, как Хрущев во время посадки при перелете в аэропорту Иркутска указал каждому колхозу Иркутской области посеять не менее 90 га кукурузы. Почему

была названа цифра 90 – ни сам Хрущев, ни иные руководители не смогли бы объяснить [47, с. 19].

Замыслы Н. С. Хрущева относительно объемов внедрения кукурузы исследователи сравнивают с площадями освоения целины к 1960 г., отмечая, что урожайность кукурузы предполагалась выше в 2,5–3 раза, чем на целинных землях [5, с. 105].

Весьма показательным в плане отношения крестьян к кукурузной кампании является письмо колхозника «Заря» Куменского района Кировской области Воронова в ЦК: «Вы, Никита Сергеевич, являетесь горячим поборником внедрения кукурузы. Я с Вами вполне согласен в том случае, если внедрение ее проводить разумно, с пользой для колхозов. Но если внедрять ее такими методами, как это делается сейчас... то мы не только не догоним Америку, а вылетим в трубу. Нас эта “королева”, попросту говоря, пустит по миру. Разве можно внедрять кукурузу одной командой сверху, путем арифметического удвоения площадей ее посева. В 1957 г. колхоз «Заря» сеял 50 га – не выросла, в 1958 г. – 100 га, опять не выросла, в 1959 г. – 200 га, в 1960 г. – 300 га... У колхоза нет возможностей (площадей, техники, удобрений). Получился заколдованный круг: чем больше площадь, тем хуже земли, тем хуже обработка, тем меньше уверенности и результаты. Покупаем семена, минеральные удобрения, вносим их почти все в ущерб для других культур, затрачиваем в несколько раз больше труда и средств, чем на любую другую культуру, а не получаем почти никакого урожая» [48, л. 11–12].

Весной 1962 г. Первый секретарь ЦК признал, что кукуруза в большинстве районов страны не вызревает, и в декабре 1963 г. разрешил пойти на сокращение ее посевов. В докладе на Пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1963 г. Хрущев так провозгласил отход от кукурузы: «Надо тщательнее разобраться, что выгоднее возделывать на зерно – озимую пшеницу или кукурузу... мы не присягаем навеки какой-нибудь одной культуре, не собираемся молиться на нее...» [49, с. 291–292]. При этом роль кукурузы в попытке решения именно зерновой проблемы изначально не может считаться решающей: по данным И. Е. Зеленина, в 1960 г. урожайность составила 19,3 ц с га при посевах на зерно по стране 5086 тыс. га, а в 1965 г. – 25,2 ц при посевах 3177 тыс. га. Он же отмечает положительную роль сверхпрограммы по кукурузе в обеспечении кормами животноводства, не соглашаясь с оценками по провалу или краху проводимых мероприятий [5, с. 109]. И. В. Русинов назвал кукурузную кампанию «живым воплощением господства лысенковщины в сельскохозяйственной науке и практике» [3, с. 42]. Главную свою задачу, а именно обеспечение кормовой базы животноводства, кукуруза решить не смогла: в 1963 г. Совет Министров РСФСР отмечал, что «главной причиной высокой себестоимости животноводческой продукции является недокорм скота и, как следствие, снижение его продуктивности» [50, л. 2].

Кукурузная кампания на фоне продовольственных трудностей начала 1960-х гг. (нехватка зерна, рост цен, события в Новочеркасске) способствовала формированию в народе неприглядного образа Хрущева: «рубаха-парень», простачок, «саврас без узды» (определение В. М. Молотова), Никита-кукурузник. Сам Никита Сергеевич до конца жизни оставался приверженцем кукурузы, уже на пенсии отметив в мемуарах, что за данной культурой будущее, а лучшей культуры для животноводства нет [51, с. 83, 85]. Признал

отставной лидер, тем не менее, недостатки с возделыванием данной культуры в его бытность у власти, а также некоторую «кампанейщину» [43, с. 110].

По нашему мнению, кукуруза обладает необходимыми характеристиками для улучшения кормовой проблемы. Показателем ее востребованности и эффективности является наличие ее посевов и после хрущевской оттепели. Кукуруза внесла свой вклад в заготовку силоса: в 1953 г. силос из данной культуры не играл значимой роли, в 1958 г. он уже составил 49 579 тыс. т (или 71,5 % от всех заготовок силоса по РСФСР), в 1961 г. – 78 239 тыс. т (84,8 %) [42, л. 26].

Так, если в 1965 г. валовой сбор данной культуры на силос и зеленый корм по СССР составил 181 млн т, то в 1970 г. – 212 млн, а в 1987 г. – 373 млн т [52, с. 191]. Даже в условиях рыночной экономики, диктующей свои объективные требования к сельскому хозяйству, в 2016 г. было учтено по Российской Федерации 4723 тыс. га посевных площадей под кукурузу на зерно и 2614,3 тыс. га на корм по всем категориям хозяйств [53, с. 113, 116]. Заметим, что и в разгар кукурузной кампании во многих регионах Нечерноземья, например в Волго-Вятском, данная культура изначально рассматривалась с точки зрения заготовки силоса и решения кормовой проблемы животноводства, без попыток с ее помощью повысить заготовки зерна.

Кукурузная кампания в таком виде могла состояться исключительно в условиях плановой системы: никто серьезно не просчитывал себестоимость силоса из кукурузы, затрат на ее выращивание и, в конечном итоге, себестоимости готовой продукции. Саботаж крестьян был не случаен – занятие земли кукурузой (которая в большинстве районов даже не всходила) не освобождало хозяйства от выполнения обязательств перед государством по остальным культурам. Данная кампания может служить яркой иллюстрацией аграрных новаций периода оттепели, суть которых можно выразить как кампанейщина, энтузиазм, чудо.

Не последнюю роль в «сверхпрограмме» сыграл и субъективный фактор – взгляды политического лидера, который по условиям советской политической системы не мог ошибаться просто потому, что он лидер, по крайней мере до октября 1964 г. В то же время отметим, что важнейшей объективной причиной начала кампании стала проблема общественного животноводства, а именно необеспеченность кормовой базы. Решение данной задачи предполагало значительный вклад в обеспечение страны продовольствием.

Кампания по резкому увеличению объемов выращивания кукурузы стала одним из символов аграрных реформ 1953–1964 гг., сыграв определенную роль в решении продовольственной проблемы. Меры ее внедрения, выделяемые ресурсы, идущие в ущерб традиционным культурам, планирование посевов, опиравшееся подчас исключительно на своеволие Н. С. Хрущева, – все это привело скорее к негативным результатам. В то же время начало кампании было связано с попыткой преодоления трудностей в сельском хозяйстве, в первую очередь решения кормовой проблемы для животноводства. Спускаемые «сверху» без тщательного экономического обоснования цифры по возделыванию кукурузы сталкивались с откровенным противодействием, если не сказать саботажем, на местах. Подобные масштабы по данной культуре себя не оправдали. Чуда не произошло.

Список литературы

1. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / сост. В. А. Козлов, О. В. Эдельман, Э. Ю. Завадская ; под ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко. М. : Материк, 2005. 432 с.
2. Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство страны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 76–93.
3. Русинов И. В. Аграрная политика КПСС в 50-е – первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 35–49.
4. Рогалина Н. Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М. : Энциклопедия российских деревень, 2010. 256 с.
5. Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М. : Ин-т российской истории РАН, 2001. 305 с.
6. Грациози А. С. Советский Союз в 209 цитатах: 1914–1991. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. 207 с.
7. Ванюков Д. А. Хрущевская оттепель. М. : Мир книги, 2007. 240 с.
8. Спицын Е. Ю. Хрущевская слякоть. Советская держава в 1953–1954 годах. М. : Концептуал, 2020. 592 с.
9. Томилин В. Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период 1946–1958 гг. М. : АИРО-XXI, 2009. 400 с.
10. Томилин В. Н. Государство и колхозы: 1946–1964 гг. М. : АИРО-XXI, 2021. 448 с.
11. Полх П. П. «Кукурузная эпопея» в Калининградской области // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XX века : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. И. Шевельков. Коломна : Московский государственный областного социально-гуманитарный ин-т, 2013. С. 598–602.
12. Конышев Д. Н. Кукурузная кампания Н. С. Хрущева // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XX века : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. И. Шевельков. Коломна : Государственный социально-гуманитарный ун-т, 2015. С. 299–303.
13. Андреенков С. Н. Аграрные преобразования 1953–1964 гг. и сельское хозяйство Сибири // Экономическая история. 2009. Т. 2009. С. 410–450.
14. Андреенков С. Н. Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск : Сибпринт, 2016. 256 с.
15. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1870.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 7. Д. 3617.
17. Реформаторские инициативы периода «оттепели» // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. : в 4 т. М., 2016. Т. 4. 671 с.
18. Хрущев С. Н. Никита Хрущев: Реформатор. М., 2010. 1080 с.
19. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам : в 4 т. Т. 4. 1953–1957 годы. М., 1958. 864 с.
20. Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти: 1945–1991. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. 680 с.
21. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. 1290. Оп. 21. Д. 58.
22. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 3772.
23. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 3.
24. Государственный архив Кировской области. Ф. Р-2344. Оп. 37. Д. 709.
25. Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 186.
26. Труд 7. 2004. 13 мая.
27. Аджубей А. И. Те 10 лет. М., 1989. 333 с.

28. Акопов С. С., Гуревич Н. Д. История России: 1953–1996. М., 1997. 799 с.
29. Медведев Р. А. Н. С. Хрущев: Политическая биография. М., 1990. 268 с.
30. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 23. Д. 2.
31. Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М., 2002. 511 с.
32. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 3768.
33. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 43. Д. 13.
34. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 5347.
35. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 6732.
36. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 5421.
37. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 46. Д. 351.
38. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 84. Д. 31.
39. ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 22. Д. 21.
40. Пленум ЦК КПСС, 10–18 января 1961 г.: Стенографический отчет. М., 1961.
41. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 31. Д. 85.
42. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32 А. Д. 8212.
43. Мемуары Н. С. Хрущева // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 91–112.
44. ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 1943.
45. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 35. Д. 29.
46. Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. 464 с.
47. Шепилов Д. Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 3–33.
48. ГАСПИКО. Ф. 6328. Оп. 1. Д. 11.
49. Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : в 8 т. М., 1964. Т. 8. 559 с.
50. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 1689.
51. Мемуары Н. С. Хрущева // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 73–88.
52. Сельское хозяйство СССР : стат. сборник. М., 1988. 534 с.
53. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года : в 2 т. М., 2017. Т. 2. 1110 с.

References

1. Kozlov V.A., Mironenko S.V. (eds.). *Kramola. Inakomyslie v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve 1953–1982 gg. Rassekrechennye dokumenty Verkhovnogo suda i Prokuratury SSSR = Sedition. Dissent in the USSR under Khrushchev and Brezhnev 1953–1982. Declassified documents of the Supreme Court and the Prosecutor's Office of the USSR*. Moscow: Materik, 2005:432. (In Russ.)
2. Zelenin I.E. The agrarian policy of N.S. Khrushchev and the country's agriculture. *Otechestvennaya istoriya = National history*. 2000;(1):76–93. (In Russ.)
3. Rusinov I.V. Agrarian policy of the CPSU in the 50s – the first half of the 60s: experience and lessons. *Voprosy istorii KPSS = Issues of the history of the CPSU*. 1988;(9): 35–49. (In Russ.)
4. Rogalina N.L. *Vlast' i agrarnye reformy v Rossii KhKh veka = Power and agrarian reforms in Russia in the 20th century*. Moscow: Entsiklopediya rossiyskikh dereven', 2010: 256. (In Russ.)
5. Zelenin I.E. *Agrarnaya politika N.S. Khrushcheva i sel'skoe khozyaystvo = Agrarian policy of N.S. Khrushchev and agriculture*. Moscow: In-t rossiyskoy istorii RAN, 2001: 305. (In Russ.)
6. Gratsiozi A.S. *Sovetskiy Soyuz v 209 tsitatakh: 1914–1991 = The Soviet Union in 209 citations: 1914–1991*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN): Fond «Prezidentskiy tsentr B. N. El'tsina», 2010:207. (In Russ.)
7. Vanyukov D.A. *Khrushchevskaya ottepel' = Khrushchev thaw*. Moscow: Mir knigi, 2007:240. (In Russ.)

8. Spitsyn E.Yu. *Khrushchevskaya slyakot'. Sovetskaya derzhava v 1953–1954 godakh = Khrushchev slush. Soviet power in 1953–1954*. Moscow: Kontseptual, 2020:592. (In Russ.)
9. Tomilin V.N. *Nasha krepost'. Mashinno-traktornye stantsii Chernozemnogo Tsentra Rossii v poslevoenny period 1946–1958 gg. = Our fortress. Machine and tractor stations of the Black Earth Center of Russia in the post-war period 1946–1958*. Moscow: AIRO-KhKhI, 2009:400. (In Russ.)
10. Tomilin V.N. *Gosudarstvo i kolkhozy: 1946–1964 gg. = State and collective farms: 1946–1964*. Moscow: AIRO-KhKhI, 2021:448. (In Russ.)
11. Polkh P.P. “Corn epic” in the Kaliningrad region. *Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v XIX – nachale KhKh veka: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. = State power and the peasantry in the 19th – beginning of the 20th centuries: proceedings of the International scientific and practical conference*. Kolomna: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy sotsial'no-gumanitarnyy in-t, 2013:598–602. (In Russ.)
12. Konyshchev D.N. N.S. Khrushchev's corn campaign. *Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v XIX – nachale KhKh veka: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. = State power and the peasantry in the 19th – beginning of the 20th centuries: proceedings of the International scientific and practical conference*. Kolomna: Gosudarstvennyy sotsial'no-gumanitarnyy un-t, 2015:299–303. (In Russ.)
13. Andreenkov S.N. Agrarian reforms 1953–1964 and agriculture of Siberia. *Ekonomicheskaya istoriya = Economical history*. 2009;2009:410–450. (In Russ.)
14. Andreenkov S.N. *Kolkhozno-sovkhoznaya sistema v Sibiri v 1946–1964 gg.: funktsionirovanie i reformirovanie = Kolkhoz-sovkhoz system in Siberia in 1946–1964: functioning and reforming*. Novosibirsk: Sibprint, 2016:256. (In Russ.)
15. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE). F. 1562. Op. 324. D. 1870 = *Russian State Archive of Economics. Fund 1562. Item 324. File 1870*. (In Russ.)
16. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. A-259. Op. 7. D. 3617 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-259. Item 7. File 3617*. (In Russ.)
17. Reform initiatives of the “thaw” period. *Reformy v Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa KhKh v.: v 4 t. = Reforms in Russia from ancient times to the end of the 20th century: in 4 volumes*. Moscow, 2016;4:671. (In Russ.)
18. Khrushchev S.N. *Nikita Khrushchev: Reformator = Nikita Khrushchev: Reformer*. Moscow, 2010:1080. (In Russ.)
19. *Direktivy KPSS i sovetskogo pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: v 4 t. T. 4. 1953–1957 gody = Directives of the CPSU and the Soviet government on economic issues: in 4 volumes. Volume 4. 1953–1957*. Moscow, 1958:864. (In Russ.)
20. Pikhoya R.G. *Sovetskiy Soyuz: Istoriya vlasti: 1945–1991 = Soviet Union: History of Power: 1945–1991*. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 2000:680. (In Russ.)
21. Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Kirovskoy oblasti (GASPIKO). F. 1290. Op. 21. D. 58 = *State Archive of Socio-Political History of the Kirov region. Fund 1290. Item 21. File 58*. (In Russ.)
22. GARF. F. A-259. Op. 7. D. 3772 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-259. Item 7. File 3772*. (In Russ.)
23. GARF. F. A-259. Op. 7. D. 3 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-259. Item 7. File 3*. (In Russ.)
24. Gosudarstvennyy arkhiv Kirovskoy oblasti. F. R-2344. Op. 37. D. 709 = *State Archive of Kirov region. Fund R-2344. Item 37. File 709*. (In Russ.)
25. *Izvestiya TsK KPSS = Proceedings of the Central Committee of the CPSU*. 1991;(1): 186. (In Russ.)
26. *Trud 7 = Trud 7*. 2004, 13 May. (In Russ.)
27. Adzhubey A.I. *Te 10 let = Those 10 years*. Moscow, 1989:333. (In Russ.)
28. Akopov S.S., Gurevich N.D. *Istoriya Rossii: 1953–1996 = The history of Russia: 1953–1996*. Moscow, 1997:799. (In Russ.)

29. Medvedev R.A. *N.S. Khrushchev: Politicheskaya biografiya* = *N.S. Khrushchev: a political biography*. Moscow, 1990:268. (In Russ.)
30. RGAE. F. 7486. Op. 23. D. 2 = *Russian State Archive of Economics. Fund 7486. Item 23. File 2*. (In Russ.)
31. Pyzhikov A.V. *Khrushchevskaya «ottepel'»* = *Khrushchev's "thaw"*. Moscow, 2002: 511. (In Russ.)
32. GARF. F. A-374. Op. 31. D. 3768 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-374. Item 31. File 3768*. (In Russ.)
33. GASPIKO. F. 1290. Op. 43. D. 13 = *State Archive of Socio-Political History of the Kirov region. Fund 1290. Item 43. File 13*. (In Russ.)
34. GARF. F. A-259. Op. 7. D. 5347 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-259. Item 7. File 5347*. (In Russ.)
35. GARF. F. A-259. Op. 7. D. 6732 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-259. Item 7. File 6732*. (In Russ.)
36. GARF. F. A-259. Op. 7. D. 5421 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-259. Item 7. File 5421*. (In Russ.)
37. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii. F. 5. Op. 46. D. 351 = *Russian State Archive of Contemporary History. Fund 5. Item 46. File 351*. (In Russ.)
38. GARF. F. R-5446. Op. 84. D. 31 = *State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. Item 84. File 31*. (In Russ.)
39. GARF. F. A-310. Op. 22. D. 21 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-310. Item 22. File 21*. (In Russ.)
40. Plenum TsK KPSS, 10–18 yanvarya 1961 g.: *Stenograficheskiy otchet* = *Plenum of the Central Committee of the CPSU, January 10–18, 1961: Verbatim report*. Moscow, 1961. (In Russ.)
41. GASPIKO. F. 1290. Op. 31. D. 85 = *State Archive of Socio-Political History of the Kirov region. Fund 1290. Item 31. File 85*. (In Russ.)
42. GARF. F. A-374. Op. 32 A. D. 8212 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-374. Item 32 A. File 8212*. (In Russ.)
43. *Memoirs of N.S. Khrushchev. Voprosy istorii* = *Issues of history*. 1994;(12):91–112. (In Russ.)
44. GARF. F. A-310. Op. 1. D. 1943 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-310. Item 1. File 1943*. (In Russ.)
45. GASPIKO. F. 1290. Op. 35. D. 29 = *State Archive of Socio-Political History of the Kirov region. Fund 1290. Item 35. File 29*. (In Russ.)
46. *Materialy XXII s"ezda KPSS* = *Proceedings of the 22nd congress of CPSU*. Moscow, 1961:464. (In Russ.)
47. Shepilov D.T. *Memories. Voprosy istorii* = *Issues of history*. 1998;(9):3–33. (In Russ.)
48. GASPIKO. F. 6328. Op. 1. D. 11 = *State Archive of Socio-Political History of the Kirov region. Fund 6328. Item 1. File 11*. (In Russ.)
49. Khrushchev N.S. *Stroitel'stvo kommunizma v SSSR i razvitie sel'skogo khozyaystva: v 8 t.* = *The construction of communism in the USSR and the development of agriculture: in 8 volumes*. Moscow, 1964;8:559. (In Russ.)
50. GARF. F. A-259. Op. 45. D. 1689 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-259. Item 45. File 1689*. (In Russ.)
51. *Memoirs of N.S. Khrushchev. Voprosy istorii* = *Issues of history*. 1993;(5):73–88. (In Russ.)
52. *Sel'skoe khozyaystvo SSSR: stat. sbornik* = *Agriculture of the USSR: statistical compilation*. Moscow, 1988:534. (In Russ.)
53. *Predvaritel'nye itogi Vserossiyskoy sel'skokhozyaystvennoy perepisi 2016 goda: v 2 t.* = *Preliminary results of the All-Russian Agricultural Census 2016: in 2 volumes*. Moscow, 2017;2:1110. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Денис Николаевич Конышев

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин, Волго-Вятский
институт (филиал) Московского
государственного юридического
университета имени О. Е. Кутафина
(МГЮА) (Россия, г. Киров,
ул. Московская, 30)

E-mail: Denis-Konyshev@mail.ru

Denis N. Konyshev

Candidate of historical sciences, associate
professor, associate professor of the
sub-department of state and legal
disciplines, Volga-Vyatka Institute (branch)
of the Kutafin Moscow State Law
University (MSAL) (30 Moskovskaya
street, Kirov, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 15.11.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.04.2022

Принята к публикации / Accepted 10.05.2022